

ЛЕКЦИИ ПО ФИЛОСОФИИ ЛИТЕРАТУРЫ

григорий амелин

ЛЕКЦИИ

москва 2005 языки славянской культуры

по философии литературы

ПАМЯТИ
МЕРАБА
МАМАРДАШВИЛИ

ББК 83.3(2Рос=Рус)6
А61

дизайн АЛЕКСЕЙ КАСЬЯН

в оформлении использована картина ЧОНТВАРИ «одинокий кедр» (1907 г.)

Григорий Амелин

А61 Лекции по философии литературы / Ред. В. Я. Мордерер, С. Б. Феддер.—
М.: Языки славянской культуры, 2005.— 424 с.
ISBN 5-9551-0083-0

Этот курс был прочитан на философском факультете РГГУ в 2003—2004 годах. Но «Лекции по философии литературы» — не строгий систематический курс, а вольные опыты чтения русской классики — Пушкина, Толстого, Достоевского с точки зрения неклассической философии, и одновременно — попытка рассмотрения новейшей литературы XX века (от Анненского до Набокова) в рамках единства Золотого и Серебряного веков.

Книга чистосердечно для всех, кто интересуется русской литературой.

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Текст печатается в орфографии автора.

ISBN 5-9551-0083-0

© Амелин Г, 2005

© Языки славянской культуры 2005

содержание

ЛЕКЦИЯ I	Темный лес и Ясная поляна	7
ЛЕКЦИЯ II	Le fabuleux destin d'Amelie Poulain	34
ЛЕКЦИЯ III	Трепак у кабака, или Что такое поэзия?	47
ЛЕКЦИЯ IV	Литература как опыт невозможного	59
ЛЕКЦИЯ V	Мелочи суть мои боги	90
ЛЕКЦИЯ VI	Из-улицы-в-улицу Владимира Маяковского	113
ЛЕКЦИЯ VII	Остап Бендер и гений чистой красоты	148
ЛЕКЦИЯ VIII	«Капитанская дочка», или Пушкин — символист	172
ЛЕКЦИЯ IX	Знать зверя. «Казачьи» Льва Толстого	217
ЛЕКЦИЯ X	Достоевский, Арто и русское юродство	252
ЛЕКЦИЯ XI	У.е.диненное	289
ЛЕКЦИЯ XII	Образ Николы-Чудотворца в «Преступлении и наказании»	325
ЛЕКЦИЯ XIII	Поминки по интертекстуальности	340
ЛЕКЦИЯ XIV	Истоки и смысл русского структурализма	357
ЛЕКЦИЯ XV	«Приглашение на казнь» Владимира Набокова	378
ЛИТЕРАТУРА	411	ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 413

темный лес и ясная поляна¹

давайте знакомиться, мы все-таки не на заседании общества анонимных алкоголиков. Меня зовут Григорий Амелин. Два слова о себе. Я закончил филологический факультет Тартуского университета. Учился у покойного Юрия Михайловича Лотмана. Потом работал в его лаборатории семиотики. Что касается Лотмана, то я бы сказал так: он мой учитель, но я — не его ученик. Позднее закончил аспирантуру философского факультета РГГУ (но не защищался). Последние десять-двенадцать лет с переменным успехом занимаюсь Серебряным веком. Мой переход от бессмысленной и беспощадной филологии ко сколько-нибудь осмысленной, но столь же беспощадной философии был очень тяжел. Я много лет по капле выдавливал из себя семиотического раба.

Хотел бы предостеречь вас от одной ошибки. Между филологией и философией древние контры. Философ прези-

1. этот курс лекций был прочитан на философском факультете Российского Государственного Гуманитарного Университета (Москва) в 2003—2004 годах. Я бесконечно благодарен Владимиру Петровичу Филатову и Сергею Юрьевичу Мазуру — без них не было бы книги. Низкий поклон Сергею Павловичу Костырко и журналу «Новый мир», выставившим ее на своем интернетовском сайте (http://magazines.russ.ru/novyi_mi/filos/lec). Для данного издания текст лекций был существенно переработан и дополнен. Курсив везде — мой, все остальные выделения принадлежат цитируемым авторам.

рает филологию, а филолог с завистью ненавидит философию и крепко ее побаивается. Конечно, такая вражда вредит обеим. Бог с ним, с филологом, как иронизировал Мамардашвили: как можно понять то, что само себя не понимает (он вообще сможет что-либо понять, лишь поставив себе осиновый кол на манер градусника)? За него мы сделать этого не можем, а за себя — должны, опираясь в нашей аналитике на весь арсенал филологических знаний — текстологию, комментарии, историко-литературные штудии и, конечно, прежде всего — поэтику, пусть даже беспримерно скудную по своим результатам. И тут не скажешь, как старик Базаров: «...Знай свой ланцет, и баста!» Кроме философских нужны еще и другие инструменты.

Чем же отличаются филология и философия?

Предмет филологии — конкретные тексты или что угодно как текст. У философии же нет своего предмета, поскольку ее объект — мышление. А объектом мышления может быть все что угодно. Русская филология остается в рамках классической картины мира: самотождественность познающего субъекта, непрерывность и воспроизводимость опыта и возможность переноса наблюдения по всему полю в любом направлении. Предмет полностью опространен, артикулирован вовне, не отбрасывает никаких теней. Непрерывность опыта не знает никаких пустот и иррефлексивных зон. Между тем, философия XX века отыскала сознательные явления, которые существуют как бы накручиваясь сами на себя и создавая собственное пространство и время. Теперь предмет открывал внутреннее измерение, превращался в феномен. Но это открытие отечественным любителям слова неведомо до сих пор (и клетка здесь всегда находит птицу).

Наука понимает себя, ясно представляя, во-первых, свой объект, во-вторых,— метод. Но так ли это? На самом деле, наука понимает себя только тогда, когда отвечает за интерпретацию своей особой области на фоне основной онтологической структуры этой области. Такая ответственность не может осуществляться понятиями и методами самой этой науки — только с помощью философского подхода.

Мне будет безумно тяжело, потому что я никогда не читал никаких курсов и не выступаю ни на каких конференциях, круглых и не очень столах и так далее. И не дал Бог моим речам уверчивость и сладость. Очень надеюсь (и пусть это прозвучит не риторически) на вашу поддержку и обратную связь, поскольку это не спецкурс, а скорее практикум по анализу литературного текста. И вы должны принять в нем сильное и равное участие. Проще говоря, мы должны анализировать вместе. Я не собираюсь открывать вам какие-то истины. У меня просто нет никакой системы, нет золотого ключика и универсальной отмычки для чтения любого текста. Общих тем, как правило, не будет. Все, так или иначе, будет привязано к конкретным текстам, конкретным разборам, даже если в рамках интерпретации окажется целый корпус текстов. Я хочу, чтобы в конце наших встреч у вас в голове осталось не несколько теплых рассуждений, а горячая десятка проанализированных, понятых и заново открывшихся произведений. Вы не услышите определений типа: поэтика Хлебникова заключается в том-то и том-то. Или: наиболее общим принципом отношения Мандельштама к слову можно считать... Пастернак — это... И так далее. Истолкование одного стиха не будет залогом и условием истолкования другого. Понять стихотворение — не зна-

чит увидеть его как частный случай действия определенного закона (при таких-то и таких-то условиях). Понять — это значит установить несводимость этого стихотворения как явления (и события) к проявлению какого-то закона. Понять нечто мы можем, лишь уяснив его в уникальной самостоятельности его бытия. Нам надо абсолютно отличить его от всего остального. Таким образом, наша аналитика есть искусство различения.

Мы будем просто работать с текстами. Я как страшно ленивый русский человек обожаю это словечко — «работа». Очень пастернаковское словечко. Лотман говорил: «Только не спрашивайте меня о работе, а то я начну говорить стихами!» В нашем случае стихи и будут нашей работой. Надеюсь, в ней нам помогут такие философские ориентиры, как Мамардашвили и Пятигорский (сейчас мы не обсуждаем их различие). Я считаю себя их выкормышлем, хотя Мамардашвили я никогда не видел.

Задавая вам тот ли иной вопрос, я не правильного ответа жду (и упаси боже, я не хочу сказать, что жду ответа неправильного!). Каждый человек, как правило, не осознавая, беседует, находясь в одном из двух случаев. В одном мы задаем другому человеку вопрос и требуем ответа, во втором — задаем вопрос и приглашаем к обсуждению. В последнем случае нет принуждения к ответу. На самом деле жизнь задает нам такие вопросы на каждом шагу. Говоря точнее, мы сами воспринимаем любой обращенный к нам вопрос либо как принуждение к ответу, обычно единственному, либо как приглашение к разговору. В то время как важно не призвать к ответу, а пригласить к обсуждению. Человеческая речь устроена таким образом, что вопрос почти ни-